

Александр Вер

БАЛЕРИНА

16+

Александр Вер

Балерина

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вер А.

Балерина / А. Вер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-94041-3

Она – танцовщица провинциальной балетной школы. Он – уставший, заблудший в беспросветной жизни бывший солдат. Что общего между ними? Есть ли будущее, когда обстоятельства сложатся против?

ISBN 978-5-532-94041-3

© Вер А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Балерина	5
Глава 1. Лида Мышкина	5
Глава 2. Воспоминания	7
Глава 3. Ночной проводник	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Вер Балерина

Балерина

Глава 1. Лида Мышкина

Старый дощатый пол обшарпанного зала провинциального театра заскрипел под её ногами, когда Лида стремительно вылетела из-за портьеры. Она понеслась на середину сцены, исполняя коду из своих фуэте. Зрители замерли, а из колонок громыхнул Григ. Ни полутьма от перегоревших софитов, ни поблекшая от нищеты портьера не испортили настроение молодой балерины. Лида, не замечая ничего вокруг, радовалась и плескала эмоциями.

Сто лет некрашенные, изогнутые полукругом доски стонали, играя под ее пуантами. Если дерево выдержит напор, то Лида сможет дойти до противоположного конца, чтобы Галина Михайловна – их наставник – смогла оценить танец. Ведь на Галине тут все и держалось до сих пор. И на ее нищенскую зарплату преподавателя. Высохшая с годами женщина непрерывно, с упорством фанатика, готовила воспитанниц в провинции, после чего они улетали покорять обе столицы. Ей лишь оставалось наблюдать по телевизору как единицы добивались успеха, рассказывать подругам и девочкам, пуская тихую счастливую слезу. Никто из бывших подопечных не навещал её. Но женщина не теряла энтузиазма.

Лида застыла в арабеске, вскинув руки, и посмотрела направо, туда где, за вельветовой занавесью стояла преподаватель. Галина грозно потрясла пальцем. “В зал смотри”, – прочла Лида по губам. Улыбнулась, зная, что будет прощена после. Ведь она лучшая из тех, кто когда-либо занимался у Галины. Наставник никогда не грубила, лепя из Лиды совершенство. Иногда делала не обидные тычки и замечания. Ласково и с заботой.

Пируэт прошел на ура. Аж воздух засвистел. Такое наслаждение от лёгкого приёма Лида давно не испытывала. В ответ зрители заулыбались. Лида обожала эту связь. Ей захотелось в благодарность снова закружить фуэте. Но из-за кулис послышалось шиканье. Опытная Галина сразу заметила отход от заученного эпизода. Вокруг танцевали неумело, с ленцой остальные балерины, но учитель махала только ей одной.

Лиде стало весело от собственного бунтарства, и она с задорной улыбкой присела в реверансе, и извинилась перед залом за заминку. Тут же переключилась на следующий по спектаклю батман, затем гранд-батман. Па она знала назубок. Расширив глаза, посмотрела вверх и понеслась, меняя эмоции: радость, неловкость, испуг, страх, выраженные языком танца. Зал и потолок закружились. Позы и движения казались настолько привычны и легки, что Лида прыгала, летя, как пёрышко над дощатым полом. Послышались осторожные хлопки. Зрители боялись спугнуть момент откровения, и замерли, сверкая белками глаз, очками и пенсне.

Только один не двинулся и не изменил лица. Лида заметила его краем глаза, после экарте. Сердце замерло, а потом забило сильнее. Лида дёрнулась и сбила своё глиссад. Неудачно ступила и почувствовала себя неудачницей. Вновь этот человек сидел в шестом ряду, посередине и смотрел на неё. Вокруг Лиды спектакль танцевали много всяких девушек, каждый раз. И каждый раз, на представлении он провожал взглядом лишь её. Словно пожирал глазами каждое движение.

Сегодня Галина Михайловна хотела представить зрителям свою лучшую версию Грига. Постоянных ценителей в их шахтёрском городе набиралось немного, человек двадцать. Все утонченные и в чудаковатых одеждах. Даже летом, когда жара, они приходили в шапочках и

шарфах, фетровых шляпах. Люди искусства... Что с них взять? Наряды выглядели нелепыми и не по моде, а зрители все как дети улыбались.

Но только не он. Хмурый. Он одевался как рабочий и сидел вечно один. На этот раз на нём были джинсы и черная синтисезонная демисезонка, как раз по прохладному началу осени и смотрелся совсем не как любитель балета. Скорее смахивал на уставшего заблудшего таксиста. Мрачно пялился с непроницаемым видом.

Лида отвернулась и постаралась не замечать привычного незнакомца. Поклонников она не встречала в их прохладном на чувства и благодарность рабочем городе, и была бы не прочь если ценителем её таланта оказался бы молодой высокий парень. Это же был суровый взрослый мужчина, и от этого становилось страшно. Лида сбила дыхание, остыла и растеряла весь настрой. Собственные движения показались ей механическими, а тело налилось, став жилистым, непокорным, утратило прыткость и лёгкость.

Галина конечно же заметила перемену, высунулась из-за шторы и насупилась. Она часто называла остальных воспитанниц, курицами, стримающими от петуха. Но только не её. Лида знала возложенные на себя надежды. Но после взгляда на пугающего мужчину не могла ничего поделывать, растерялась и продолжила выполнять этюды по программе, казалось, блестяще, но без прежней грации.

Больше года она наблюдала его, но почему-то сегодня суровый незнакомец смутил гораздо сильнее. Лида ощутила охвативший жар стыда и разливающуюся по всему лицу краску.

Со страхом, что сейчас упадёт, Лида быстро закончила кружение и торопливо зашла за кулисы, споткнувшись на ровном месте. За что получила вдогонку еще один гневный взор преподавателя. Лида разочарованно поджала губы.

За портьерой она почувствовала себя в безопасности, и, вцепившись в толстую ткань, выругала себя за то, что позволила испугу помешать. Подвела она Галину. Не вышел сегодня танец лучшей балерины их города. Да и области, пожалуй...

– Артист не имеет такой роскоши, – всегда говорила наставница. – Не важно что творится в зале. Пускай небеса упадут на землю! – Гремела она на репетициях, воздевая руки, будто действительно вызывала небопадение. – Ты должна улыбаться и порхать там... На публике!

При этом Галина выбегала в середину, расталкивая, растерянных девочек и с чёткостью генерала указывала на пустые кресла.

– Ты должна покорить их сердца! – кричала она.

Сегодня Лида не совладала с собой. Как жаль... Ей уже семнадцать, а повела себя как неопытная девчонка.

Она чуть не плакала по пути в гримёрку, а когда вошла, ахнула от неожиданности, и стала колом. В большой вазе на её столе расцвёл огромный букет бордовых роз. Около зеркала, рядом с телефоном, нёсся приятный аромат, наполняющий комнату. Лида подошла, принялась гладить бутоны, озираясь, не понимая от кого. Вошли девочки и тоже остолбенели. Они стали обсуждать, кто мог пройти незаметно, но никто не знал. Записки тоже не было. Лида прижала букет, глубоко вдохнула свежесть цветов и ощутила успокоение. Пришла, захлёбывающаяся все клеточки радость, и неудача забылась. Нелепая скованность выветрилась, как и не было. Лиде снова хотелось порхать.

Девчонки в это время считали. Около тридцати. Вернее – тридцать три красные с чёрными прожилками, большие, как на подбор, розы. Лиде стало стыдно, что ей подарили, а им – нет. Но подруги любезно отказались делить с ней букет, и счастливой Лиде пришлось всю приятную тяжесть, охачкой, везти на троллейбусе к себе домой.

Глава 2. Воспоминания

Во тьме делать дело легче всего, рассуждал Иван. Свет дня и свидетели не давали нужной скрытности, так необходимой его работе. Теперь, когда близилась полночь, всё шло по плану. Парковка пустовала. Клиент вышел из подъезда и шагал к своему авто. Незнакомый Ивану молодой мужчина врал жене и собирался навестить любовницу. Измена, оказалась слабостью клиента. Ивану это только на руку. Рутинность, постоянство действий и привычки клиентов не подводили, наоборот делали проще его работу. И чем привычка позднее во времени суток, тем меньше нарваться на свидетелей.

Парень сел в машину и завел двигатель. Прогрев мотора – те самые две минуты... То что надо. Для Ивана это даже много. Он вынул из кармана обломки разбитой сервизной чашки, присел за багажник и огляделся. Ни под фонарями, ни во тьме блуждающих пешеходов не было.

Иван быстро зашагал к водительскому стеклу и с силой швырнул в него керамику. Трещины моментально испещрили поверхность. Обломки чашки вошли в салон, как нож в масло. Множество паутинок осколков проползли, но стекло осталось на месте, не желая рассыпаться. Тут же в эту паутину Иван сунул правую руку и ощутил как нож вонзается в плоть. Осколки осыпались, словно дождь на асфальт, и в чёрном проеме заблестели сталь и кровь.

Лезвие пробило горло и скользнуло по позвоночнику. Один удар, одна жизнь. Так Иван поступал каждый раз, не церемонясь. В горле парня булькало, он дёргался, через рот шла кровь. Секунда. И клиент затих.

Кем он был? Кому мешал, Ивана не интересовало совсем. Мерзавцев много. Если за них платили, то Иван с жестокостью мог применять свои навыки, обретенные в жаровне войны. Ножом на вылазках, как и здесь, на гражданке, орудовал без промаха. Те, кто промахивался в боевых схватках, на гражданку уже не возвращались. В той страшной школе выживания, в разведоте, Иван был лучший. А тут работы другой для него просто не нашлось.

Вынул нож из горла остывающей жертвы и вытер о заготовленную тряпку. Огляделся еще раз вокруг. Тихо... Никого... Сунул оружие в ножны. Спрятал тряпку и перчатки пока шагал прочь. Их он сожжет позже. Его силуэт растворился во мраке нависающих деревьев.

**

Троллейбус принёс Ивана к кварталам, лежащим на другом конце города. Собственная квартира встретила пустой и безжизненной. Холодной и неприветливой, как труп в который превратился теперь тот парень. Нет дела до его вдовы. Сами натворили делов, сами пускай и расхлебывают. Иван за свою работу брал деньги и никогда не интересовался, зная, что хороших людей не закажут.

Он налил кипятка и прислушался к шипению заварки. Звук пузырей в чайнике был единственным, что разносилось в тишине его когда-то новой “трёшки”. Иногда беспокоили соседи, но сейчас два ночи и стояла тишина. “Спят, значит мой приход никто не видел”, – подумал Иван.

Квартиру он приобрёл новую, когда продал маленькую, выданную государством. После войны невыносимые малютки, наскоро построенные и малопригодные для жилья, раздавали ветеранам вроде него. Иван счастливо избавился от пропахшей перегаром соседней малосейки как только представился случай. Пришлось добавлять ощутимую сумму с кровавых заработков.

Давным давно, когда он совсем молодой вернулся в городок с первой Чечни, то не стал искать отца алкаша, в пьяном угаре прозевавшего роковой приступ матери. Иван сразу попытался попасть в Легион. Но только время зря потерял. Зато нашел отказников друзей, таких

же, как он, не нашедших себя на гражданке. Завёл знакомства и прошёл Вторую Кампанию. После чего устроился и пытался удержаться на одной из работ.

Механиком в мастерской он не ужился с хозяином, в охране послал подальше изнеженного и заносчивого чьего-то сына. После этого Ивану поставили чёрную метку и во многих конторах, где даже не брали на собеседование. Иван прослыл своенравным, слишком честным и не уживался нигде. Тогда-то и помогли друзья, насмехающиеся над его принципиальностью. Поняв, что человек пропадает, подогнали первого клиента.

Всех смертей за прошедшие восемь лет Иван не помнил и не пытался. Так, только... Образы и искаженные страхом лица.

Он присел у телевизора, нажал кнопку пульта, отпил глоток, уставился пустым взглядом в экран. Поначалу пустота в голове ему даже нравилась. Но от вида скачущих через заборы ментов, что-то в мозгу ожило. “Одна ложь”, – подумал Иван. По экрану сценарные менты бравадно гнались за такими же клишированными преступниками. Иван почесал висок не желая видеть тупость. На экране актёры неправдоподобно прыгали через двухметровые заборы, будто сгали с батута. Иван сплюнул прямо на пол от омерзения и переключил канал.

Новости – любимое вранье власти. Иван в конце выпуска, бывало, слушал о необычных историях из жизни простых граждан. Но на этот раз в итоговом сюжете явился какой-то мерзкий тощий мужичонка, похожий на бабу, в цветастых рубашке, шортиках и пышном шарфе, и своим писклявым голосом стал кричать о спасении дельфинов где-то в океане.

“Тебя нужно от самого себя же спасти”, – подумал Иван, разглядывая одежду жеманного мажора. Стоящие рядом, выглядели такими же разодетыми мужико-бабами. Они перли к микрофону, перекрикивая друг друга, в унисон пищали о том-же. При виде творящегося безумия у Ивана возникло одно желание – избавить мир от этих придурков. К сожалению, пока ему заказывали банальных бизнесменов-неудачников и прочих неудобных кому-то людишек. А за бесплатно Иван не убивал.

Он снова сплюнул на пол. Разряженный под бабу мужик с экрана предлагал заодно с дельфинами спасти озеро в Карелии.

Иван, далёкий от Карелии и озёр с дельфинами, горько вздохнул, утёр слюну после плевок повисшую на небритом подбородке и снова переключил. Фильмец с сопливыми девками. Они дразнили дутыми в косметологии губами и рисованными бровями. На стройных телах висели настолько неестественно большие груди, что не вызывало сомнений, их качали силиконом в клиниках. Оператор, будто специально вызывая рвотный рефлекс, снимал эту мерзость крупными планами. “Тьфу ты”, – от омерзения Иван не мог больше смотреть. Переключил и попал на кино. Слащавое немного, но сойдет.

Иван уставился в грязный пол. Хлебнул чай и вспомнил, – “Завтра она выступает”. Он заметил очередную афишу, когда проезжал мимо дома культуры, где всегда выступал балетный коллектив. На тонкой бумаге руководитель печатала на свои невеликие гроши фотографии с именами балерин. Старая балетмейстер – знаменитость их городка, старалась как могла, созывая поклонников на очередное представление. Гордилась девчонками! Иван, ещё в первые визиты, прочитав одну из афиш, узнал, что ту самую девочку зовут Лида Мышкина.

Год назад он невесёлый шёл по улице и задумался. Башка тогда от похмелья трещала. Какой-то сопляк сунул ему буклет в руку и сказал: “приходите”. “Это гордость нашего города”, – добавил пацан.

Иван хотел въехать сопляку в челюсть, но отвлёкся на танцующих девушек на бумажке, и пацан успел увернуться. Он юркнул в двери ДК, у порога которого они стояли. А Иван чесал затылок, вспоминая, что вроде как, девушки в смешных юбках – балеринами называются.

Оказалось, вход бесплатный, за счет муниципалитета. Мысль о халяве потешила. Хоть что-то от государства... Именно поэтому Иван и зашел, а заодно захотел узнать что за музыка звучала оттуда.

В зале он занял место на задних рядах и обратил внимание на мелюзгу, которая как букашки прыгала и махала руками. Около десятка девочек бегали по обветшавшей сцене, делая вид что танцуют. Но Ивану танец скорее напоминал бессмысленное дёргание под отвратительные скрипы и визги. А сама музыка не походила на музыку, а на смесь стонов и клокотания, какими-то дурацкими инструментами. Чуть – одним словом!

Вот во взводе был у них гитарист... Вот то музыка! Цоя, ДДТ, Крематорий они с упоением орали с ребятами на привалах.

А такой ужас Иван на дух не переносил и собирался уйти. Неожиданно одна из девочек споткнулась, но быстро исправилась и запрыгала вновь как коза.

Ивану показалось это смешным и он решил, что нашёл себе развлечение. Заодно и голова стала проходить. Иван развалился и стал следить за девочкой. Забавная такая. Самая мелкая и тощая из всех. Машет руками, а их, как тонкие ветви, вдалеке почти не видно.

Тогда Иван встал, и бесцеремонно топая, пересёк почти пустой зал, чтобы занять место поближе, а заодно разглядеть как упадет она в следующий раз. Предвкушал, смакуя собственное ожидание.

Девочка вместо того, чтобы порадовать его и снова шмякнуться, привстала на большие пальцы ног и пошла на них вперёд, потом назад. Иван не поверил глазам. Издалека он не замечал такое чудо.

“Наверное, деревянные калоши у нее под чулками”, – догадался он. Девочка тут же, назло его ожиданиям, стала разгибать пальцы раз за разом, принимая разные позы. И тут ему стало ясно, что она взаправду так ходит!

Иван часто заморгал, почесал затылок и вспомнил одного прапорщика, который отжимался на трех пальцах одной рукой, и как ему вся часть проигрывала споры на слабо. Офицеры свистели и ругались, отдавая ему свои деньги. Уникальный человек был этот прапорщик... Но даже он такого не умел!

Хождение на пальцах, маленьких, почти незаметных, поражало. Девочка постоянно балансировала на кончиках стоп и семенила ножками. Иван сжал подлокотники и стал вглядываться. Она резко завертелась на одной ноге, стоя при этом на одном большом пальце!казалось невероятным...

Иван прищурился, хмыкнул и недоверчиво повертел головой. Девочка стала путешествовать от одного конца сцены в другой не прекращая вращения. Только лицо задерживалось на мгновение, направленное в зал с широкой открытой улыбкой. При этом она вскидывала руки под разными углами и резко вздергивала ногой, удерживая равновесие. Иван не заметил, как его челюсть поползла вниз.

Удивительная девочка закончив кружение, подпрыгнула высоко, при этом широко расставив голени. Иван прикинул, если с такой растяжкой, как у нее шагать по плацу, то генерал дал бы ему месяц отпуска перед тем, как направить в торжественный караул. А ведь туда стремились все, из-за знатной кормёжки!

Затем подружки подскочили и сложили ладони чашечкой, а девочка, весело бегая по сцене, шагнула на опору из их рук и взлетела в высь. Иван перестал дышать. Он провожал глазами невесомый блик, парящий над головами. Девочка на миг растворилась в воздухе и летела на два-три роста выше над всеми. Она, что переломать себе ноги хочет? С улыбкой она совершила в полёте полный оборот и приземлилась на одну ногу, перенесла вес на другую и тут же стала вновь вертеть свои загогулины. Ивана вжало в кресло, и только потом он понял, что слышит аплодисменты.

Во время хлопков в голове Ивана стояли неприличные, но очень восторженные фразы. Только ими он мог выразить восхищение в этот момент. Отжимающийся прапорщик не шел ни в какое сравнение. А неугомонная девочка плыла себе дальше вдоль подруг. Они пытались выполнить те же движения, что и она, но выходило совсем не так мастерски. Вместо хождения

на пальце получалось жалкое ковыляние. Кружения неуверенные, а прыжки не впечатляли. Их белые платица с торчащей в стороны юбочкой сидели даже как-то не так. Не так подогнано и опрятно, как на той умелой девочке.

Иван заметил, что невольно притопывает в такт музыке. Где-то внутри его всё поплыло. Но вдруг девочка растворилась в толпе других балерин и пропала со сцены. Иван искал глазами именно её. Но повторного выхода не случилось. Она появилась только на прощальных овациях.

Два десятка балерин стали в ряд и одновременно поклонились зрителям, а их седоволосая руководитель благодарила зрителей за поддержку. Удивительная девочка держала подруг за руки, краснела и смущённо улыбалась. Было заметно, как она устала, но между частыми дыханиями она слала в зал энергичные воздушные поцелуи. Собранные в пучок волосы обнажали маленькие оттопыренные ушки. Иван разглядел острый приподнятый нос с горбинкой, неровный, с плоскими губами рот, высокий лоб над серыми глазами. Совсем как у его одноклассницы, которая не пользовалась популярностью у парней. “Эта девочка так же красавицей не вырастет”, – прикинул он.

Аплодировать не стал. Просто вышел первым и очутился в привычном ему мире.

Рядом с ДК шла широкая улица с оживлённым рынком. Машины с товарами, продуктами развалились, перегораживая проезжую часть, а вокруг сновали грузчики, торгаша и покупатели. Кто подшучивал, кто смеялся, кто ругался. Иван шёл без цели и ощутил толчок в бок. Толстая тетка пронесла мимо увесистые сумки.

– Прешь куда? – нагло гаркнула она и проковыляла дальше.

Иван посчитал не нужным отвечать. Вокруг люди курили за разговорами, плевались, таскали тяжести. Их суета была далека. Ивану они казались малозначимыми тёмными пятнами. Он встал зачарованный у фонарного столба и попытался вспомнить мелодию, застрявшую в памяти. Музыка продолжала звенеть в ушах, и он покивал в такт, желая чтобы засевшие звуки длились дольше. Ноты напел мычанием и опустил взор. На сером полотне асфальта в смеси лужи и трещин гуляли контуры кружащей девочки. Иван глубоко вздохнул, и погружённый в не спадающую пелену, поднял голову в небо. Там среди облаков девочка совершала свой умопомрачительный прыжок.

Иван задумчиво прокашлялся и медленно побрел к остановке.

**

По экрану ползли титры. Яркий блеск рекламного ролика вырвал его из воспоминаний. Развесёлая рекламная вакханалия мешала, и Иван выключил звук. Мотив классической мелодии до сих пор стоял в его ушах. Иван пропел про себя и перед ним снова стали образы танца. Танца, который шёл вразрез с его реальностью.

Реальностью трёшки и её стен с потрескавшимися обоями, реальностью безработности и собственной бесперспективности, реальностью где ему платили деньги за орудование лишь одним инструментом – ножом, и где родители умерли, а близкие друзья отделились, принимая его за отшельника и неживчивого типа.

С музыкой в голове Ивану казалось, что он представляет из себя гораздо больше, чем о нём думают остальные, что он способен удивить людей собственным вниманием и доброжелательностью, а не способностью съездить по харе в нужный или ненужный момент. Иван хотел ужиться с миром и думал, что пытался. Но с одним, пожалуй, ему не удавалось ужиться – с бездуховностью окружающих. Наверное по этому он никогда не сожалел убивая. Все до единого жертвы казались ему одинаковыми, пустыми и оттого ненавистными. И только слушая удивительную непостижимую для себя музыку и глядя на Лиду, он вспоминал что в мире еще есть что-то уже наполненное, глубокое, посему способное наполнить пустоту окружающего мира, и главное – пустоту его самого.

Иван с усмешкой вспоминал концерты. Он посетил все и видел, как то и дело один из зрителей выбегал на сцену и дарил букет руководителю Галине. Это был поклонник, очеред-

ной интеллигент, манерами и видом смахивающий скорее на параноика. Но училка радовалась каждому жалкому букетику. А девочкам, которые сияли и тёрлись рядом, за концерт доставались одна-три розочки. Они стояли и сжимали эти скудные предметы признания, и кланялись, безмерно счастливые.

Иван не понимал, как можно радоваться настолько полудохлым цветочкам. Возможно, дело было вовсе не в цветах, а в чем-то другом... Он не понимал в чем именно, но решил, что подарит Лиде букет от себя. Такой умелый и удивительный ребенок не должен остаться без подарка. Пускай она порадуется. И улыбка пусть будет самой радостной!

Иван решил, что огромная охапка красных роз именно то, чего она заслуживает. Лиде удалось вернуть ему что-то давно позабытое. Ушедшее без возврата довоенное детство, полное нематериального счастья. Походы с ребятами на рыбалку... Игры и драки за гаражами... Их серый домик в заводском районе за синим забором, где он рос... Как махала ему вдалеке мать...

Иван глубоко вздохнул. Музыка поначалу вызывавшая отвращение, а потом вгонявшая в ступор, стала нравиться не просто так. Она проникала внутрь, меняя ощущения. Крику и стону незнакомых инструментов, единственному, чему удавалось выветрить из его головы пронизывающий вой ветра перевалов, грохот техники и страшный рёв вертушек над головой. Трескотню очередей и огонь. Страх, вжимающий в камень... Крики ребят... Окровавленных. С торчащим наружу мясом.

Ненадолго... Всего на час. Но на этот час вместе с музыкой Лида уносила его в далёкие от страха переживания. Будоражила глубокое и красивое, последнее что оставалось в душе. Лидины по-детски наивные откровение и чистота напоминали о самом себе – настоящем.

**

Тридцать три розы, тщательно подобранные у прилавка, он украдкой пронес в пустую гримерку, пока все глазели за кулисами, и поставил в пустую вазу на столик, где лежал её телефон. Он узнал зеркало и столик по чехлу тигриной раскраски, который видел. Случайно проезжал мимо школы, где училась Лида и заметил её с телефоном в руках.

Ушел незаметно. Быстро. Не аплодируя как и обычно и не оборачиваясь. Лида сегодня была не в духе. Возможно, он её смутил...

Иван надеялся, что букет загладит его вину, если она есть. Пускай эта девочка знает, что она – самая лучшая!

Глава 3. Ночной проводник

В безлюдный поздний вечер последний троллейбус подкатил к остановке. Иван возвращался со встречи с ребятами поддатый. Он давно не пил. С того самого дня, как открыл для себя представления в доме культуры, очень редко позволял себе и только в хорошей компании.

На этот раз ежегодная встреча с сослуживцами прошла скучно. Бывшие головорезы понадевали строгие костюмы, и, разбившись на недружелюбные компашки, важно расселись по своим углам ресторанный зала. Поговорить даже не с кем было. А душа пьяного Ивана пела и он пытался заговорить с прежними знакомыми. Вот только слушать песнь его души никто не захотел. В итоге Иван кому-то нагрубил и ушёл раньше сам не помня что сказал.

Салон троллейбуса пустовал, а женщина за рулём зевала и кашляла. Она сразу поморщилась, когда Иван протянул ей рубли, быстро приняла оплату, одёрнула руку и резко стартовала.

Иван удержался за поручень, наклонился и в попытке её развеселить начал тоскливо выть про подвиги... Потом заговорил про невернувшихся пацанов. Его корявое откровение отнюдь не развеселило. Женщина сверкнула хмурыми глазами из под бровей и отмахнулась, – “Пьянь!”

Когда до Ивана дошло, что от него разит, он с грусткой вздохнул и пошёл в конец. Навязываться с болтовнёй он и сам не любил. Война хорошо учила осторожности в словах. В конце пустого салона ему приглянулись задние места и он брякнулся, раскидав руки и ноги, заняв две сидухи разом.

Фонари засыпающего города мелькали за окном. Иван разглядывал их, уткнувшись виском в стекло и слушал гул мотора, прерываемый щелчками реле. Водитель бросала в зеркало короткие опасливые взгляды.

Открылась дверь и вошла пассажирка. В шапке и курточке. Продрогшая девушка на тонких ногах почти влетела, прячась от пронизывающего ветра ранней осени. Расплачиваясь за проезд, она потирала плечи и тряслась. Взяла талончик и осторожным движением заняла сиденье рядом с водителем.

Иван не обратил бы внимания на отдаленное соседство, если бы она сразу не достала телефон. Засиял экран в полосатом тигрином чехле. Иван пригляделся. Вязаная зелёная шапочка венчала макушку, а из под нее торчали маленькие знакомые оттопыренные ушки.

Иван узнал соседку. Лида с опаской покосилась назад, не решаясь взглянуть прямо на него, и поёжилась. Ивана толкнул короткий порыв встать и подойти, но разум удержал на месте. Так и подмывало спросить понравился ли ей букет, подаренный два месяца назад. Но зачем? Только смутит своим нетрезвым видом, как и водителя. Лида – будущая звезда балета! Вырастет и покорит столицу. Обязательно покорит. А он кто?

Заблудившийся на гражданке вояка?

“Пусть себе едет спокойно”, – подумал он и остался на месте. Только глупо улыбнулся и заметил, как недобро продолжает коситься на него женщина. Иван грозно насупился. Он стал подумывать, что надо бы встать и высказать ей в лицо: “Чего это она себе о нем надумала?” Видит, что мужик улыбается глядя на школьницу и уже заподозрила гадкое? Но женщина через секунду угомонила и стала смотреть вперёд. Иван откинулся на спинку и стал реже дышать, чтоб перегар не достиг и не потревожил Лиду.

Еще одна остановка. Вошли три парня. Молодые пацаны чуть старше Лиды громко топая и гогогча, задёрнули поручни и пьяными голосами, кривляясь, стали клянчить у водителя скидку. Женщина отмахнулась от них и денег не потребовала. Ей, похоже, вымученной и усталой хотелось закончить свой рейс. Немного поворчав она повела троллейбус дальше, а парни, толкая друг дружку, не прекращая хохота, заняли места около Лиды.

Она тут же сжалась. Один из них достал из-за пазухи бутылку водки, отпил и предложил друзьям. Второй взял и хихикая посмотрел на Лиду, глотая и морщась. Водочная вонь достигла

даже Ивана. Он заметил, как Лида испуганно отстранилась и вжалась в стенку. “Глупая, так нельзя, – подумал он. – Они же сейчас заметят, что ты боишься и начнут приставать. Ну вот... Заметили!”

Парни подсели к ней, окружили и начали грубо знакомится. Лида как загнанная жертва сгорбилась. Разумеется, это их только подзадорило. Иван склонил голову набок и стал предугадывать, что сейчас произойдет?

“Это не тебе глупая надо бояться их”, – подумал он. “А им меня!” Он продрал залитые алкоголем веки и решительно встал.

Шум от парней стал такой, что водитель не выдержала и затормозила посередине дороги. Двери распахнулись. Женщина трусливым голосом пропищала:

– А ну марш отсюда! Оставьте девочку в покое.

Было слышно, как Лида хныкала, а самый крупный из молодчиков обернулся к женщине и матерно послал ее. Иван опустил ребро ладони и с хлопком, матерщинник осел на пол. Аккуратный удар в основание шеи редко, кто выдерживал. Оставшиеся двое, долго не продержались. Иван отбил их слабые удары и ногой врезал одному в живот, отчего тот сложился на пол, другого просто швырнул одной рукой за плечо и тот улетел меж сидений. Лида взвизгнула. Шапка одного из парней слетела и шлепнула ей прямо по лицу.

Водитель завопила: “милиция!” и, схватив телефон с приборки, дико озираясь на Ивана, выскочила из троллейбуса. Иван не успел ей крикнуть, как женщина растворилась в темноте.

“Вот дура”, – подумал он. – “Что за ненормальная?”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.